

6. Максименко С.Д. Генетична психологія М.: Реал-бук, К.:Ваклкр, 2000.-319с.
7. Чепелева Н.В. Психологическая герменевтика – наука о понимании. //Практична психологія та соціальна робота №3, 2001.-С.6-10.

УДК 316.6:81'23 (045)

Щербатюк Б. А.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ СУБЪЕКТОВ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Анотація

У статті аналізується функціональна структура соціально-комунікативної взаємодії на основі аналізу типологізованих комунікативних утруднень, що виникають у процесі мовленнєвого спілкування; розглядається схема умовного комунікативного акту і серія конкретних комунікативних ситуацій, аналіз яких дозволяє встановити причини утруднень у мовленнєвому спілкуванні і засоби їх можливого подолання. Експліцирується поняття «повний смисл мовленнєвої комунікативної дії».

Ключові слова: теорія соціально-комунікативної взаємодії, мовленнєвий твір, комунікативна дія, комунікативний акт, когнітивна дія, мовленнєва поведінка, комунікативна невдача, комунікативне утруднення, комунікативна ситуація.

Постановка проблеми. Как известно, выражение «найти общий язык» нельзя понимать в прямом смысле. Хорошее владение коммуникантами общим для них естественным языком далеко не всегда обеспечивает их взаимопонимание. К тому же очевидно, что выражение «достичь взаимопонимания» имеет явно не лингвистический смысл и обычно используется в тех случаях, когда партнеры приходят к соглашению в своих практических делах. И все же, процесс понимания субъектом коммуникативных действий партнера по общению начинается с восприятия и осмысления адресованных ему высказываний.

Почему специалисты, беседуя на профессиональные темы, понимают друг друга «с полуслова», а разговор профессионала с дилетантом или взрослого с ребенком вызывает коммуникативные затруднения? Еще в 1916 году Е.Д.Поливанов, выдающийся лингвист-востоковед и один из основателей социолингвистики, писал: «В сущности все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем «в чем дело». Если бы все, что мы желаем высказать,

заклучалось в формальных значениях употребленных нами слов, нам нужно было бы употреблять для высказывания каждой отдельной мысли гораздо больше слов, чем это делается в действительности. Мы говорим только необходимыми намеками» [1]. Как людям удастся понимать намеки? Почему сокращение высказывания или текста, а также грамматические, орфографические и лексические ошибки, совершаемые в устной или письменной речи, не всегда являются препятствиями для понимания того, что написано или сказано? С другой стороны, почему абсолютно правильное с лингвистической точки зрения высказывание может восприниматься как нарушение правил речевой коммуникации, может вызвать у адресата непонимание и даже отказ от дальнейшего общения? Эти и многие другие вопросы, связанные с «инструментальным» использованием речи в различных сферах общественной жизни, включаются в проблемное поле комплексной теории социально-коммуникативного взаимодействия (СКВ) и отображают ее социально-психологические, психолингвистические и когнитологические аспекты.

В Западной Европе и в США интенсивные комплексные исследования социальных коммуникаций начались в середине XX-го века. В Украине за последние два десятилетия также произведен значительный объем научной работы в области исследования социально-коммуникативных проблем, возникающих в различных сферах общественной жизни. Как в свое время на Западе, сегодня в Украине большинство специалистов в области социальных коммуникаций занято разработкой практических рекомендаций и ситуативных моделей профессионально ориентированного общения. В частности, разработке моделей и стратегий общения в таких коммуникативных профессиях, как публик рилейшнз, выставочное дело и реклама, страховой бизнес и маркетинг, посвятили свои исследования Е.В.Ромат, Т.Г.Диброва, Т.О.Примак, Л.В.Зозулева, Н.Л.Писаренко, В.Г.Королько. Ряд психологических и социально-психологических факторов, определяющих особенности коммуникации в малых группах, анализируют в своих работах Н.Н.Корнев, Л.Е.Урбан-Лембрик,

Т.И.Лукьянец, В.В.Москаленко. Над общетеоретическими проблемами в данной сфере научного познания в течение многих лет работает Г.Г.Почепцов. И все же, пока еще недостаточно внимания уделяется фундаментальным вопросам теории социальных коммуникаций, прежде всего, тем, которые непосредственно связаны с системным анализом различных типов социально-коммуникативных взаимодействий.

В данной статье ставится **задача** на основе анализа типологизированных коммуникативных затруднений, возникающих в процессе речевого общения, установить функциональную структуру процесса взаимопонимания субъектов коммуникации и определить основные когнитивные механизмы, реализующие этот процесс.

В соответствии с терминологией, принятой в теории социально-коммуникативного воздействия (СКВ), а также в таких смежных с ней областях научного познания, как психолингвистика и коммуникативная грамматика, термином «говорящий» (Г) обозначается субъект речевой коммуникации, производящий высказывание в устной или письменной форме. Адресат речевого действия субъекта обозначается термином «слушающий» (С), - при этом, неважно, воспринимает ли (С) адресованное ему высказывание на слух или читает его, например, как SMS-сообщение. Термин «высказывание» в данном случае трактуется значительно шире, чем в традиционной логике, где он обозначает речевую единицу, соответствующую повествовательному предложению. В теории СКВ, как и в современной функциональной лингвистике, высказывание рассматривается как речевое произведение (РП), которое может быть представлено фразой, последовательностью фраз, сверхфразовым единством и даже комплексом сверхфразовых единств, характеризующимся смысловой целостностью [2, с. 90]. Аспект смысловой целостности уточняет теория речевых актов (действий) Дж. Остина, в контексте которой использование высказывания в речи рассматривается как относительно завершённое коммуникативное действие (КД). Аналогичный подход применяется и в теории СКВ, в которой коммуникативное действие (КД)

рассматривается не изолировано, а как структурно-функциональный компонент типологизированного коммуникативного акта (КА). В свою очередь, термин «коммуникативный акт» используется для обозначения системы коммуникативных действий, выбор которых мотивирован практическими целями субъектов и осуществляется на основе их индивидуального восприятия семиотических и несемиотических факторов, характеризующих данную коммуникативную ситуацию.

Речевое общение не является чем-то самодостаточным, оно, скорее, является одним из необходимых условий совместной деятельности людей – деятельности, которую можно назвать практической в широком значении этого слова. Поэтому в любом КА так или иначе проявляются практические интересы субъектов социальной коммуникации. Даже если люди только приветствуют друг друга при встрече, они, все же, преследуют некоторые практические цели: например, поддерживают межличностные отношения, либо каждый из них просто заботится о своем имидже и не желает показаться невежливым.

Очевидно, определенные выше понятия «Г» и «С» характеризуют участников речевого общения как выполняющих не только коммуникативные, но и когнитивные действия – соответственно, формирование РП и осознание его смысла. Очевидно также, что в процессе диалога между субъектами происходит обмен этими коммуникативно-когнитивными действиями – говорящий становится слушающим, и наоборот. Если все коммуникативные действия субъектов общения вербализованы, то в таком случае, отмечает Б.Ю.Городецкий, «диалог представляет собой чередование речевых произведений (РП), создаваемых коммуникантами... Каждое РП – это средство воздействия на окружение (на партнера по коммуникации и через него – на другие элементы действительности» [3, с.23]. Полностью или частично, верно или неверно субъект (С) понимает смысл адресованного ему РП, выясняется, как правило, после того, как он совершает ответное коммуникативное действие и завершает тем самым так называемый «такт диалога».

В теории СКВ полный смысл речевого произведения, трактуемого как

результат осуществления КД в контексте конкретного КА, определяется как иерархически организованная система коммуникативно-значимой информации, содержащая семь функционально различных компонентов. Первые три компонента - синтаксический, семантический и прагматический - характеризуются, в основном, так же, как в общей теории знаковых систем Ч.У.Морриса [4, с. 37 - 89]. Однако следует указать на одно существенное отличие. «Достаточной характеристикой прагматики, - писал в 30-е годы прошлого века Чарльз Моррис, - было бы указание на то, что она имеет дело... со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» [4, с. 63]. Было бы ошибкой считать, что вопрос о границах предметной области прагматики не имеет принципиального значения для построения теории коммуникации. С одной стороны, не вызывает сомнений, что на выбор коммуникантами речевых действий и, следовательно, на формирование смыслов высказываний в конкретных ситуациях общения влияет множество факторов, анализ которых относится к сферам компетенции социологии, психологии, культурологии и других социогуманитарных наук. С другой стороны, невозможно использовать одни и те же теоретические модели для анализа влияния на выбор КД столь разнородных факторов, как, например, социальные статусы и роли субъектов общения, их знания, интересы и намерения, временные и пространственные параметры КА, ситуативно-контекстные значения указательных и личных местоимений и т.д. Утверждать обратное – значит игнорировать лежащие в основе общенаучной системной методологии принципы иерархичности и множественности нередуцируемых теоретических описаний «больших» (в теоретико-системном смысле) функциональных систем, к каким, безусловно, относится и речевая коммуникация.

Четвертый, иллокутивный (по терминологии Дж. Остина) компонент полного смысла РП определяется как тип коммуникативной функции высказывания (вопрос, просьба, ответ, приказ, констатация, обещание, извинение, приветствие и т.д.).

Пятый компонент смысла называется фатическим (термин Р.О.Якобсона) и определяет место данного высказывания в функциональной структуре диалога. Очевидно, что субъект может считаться коммуникативно-компетентным только в том случае, если он умеет начинать диалог и направлять его в нужное русло, способен поддерживать беседу, сохраняя ее тематическое единство, и наконец, умеет завершать разговор без ущерба для практических целей социальной коммуникации. Неверно выбранный тон обращения, неадекватный ситуации стиль высказываний, психологически неправильный порядок аргументов, и даже не вовремя сказанная фраза, при всей ее значимости для содержания разговора или для практической цели общения, могут стать причинами коммуникативных затруднений и неудач.

Следует отметить, что фатический аспект смысла высказывания непосредственно связан с правилами речевого поведения, принятыми в той или иной социальной группе; он также обусловлен нормами межгрупповой коммуникации, характерными для конкретной социокультурной среды. Степень соответствия (или несоответствия) высказывания указанным правилам и нормам определяет шестой, этологический (от греч. *ethos* – привычка, обычай) компонент полного смысла речевого коммуникативного действия. Как известно, одно и то же высказывание может восприниматься как нормальное в одной коммуникативной ситуации и как грубое нарушение норм общества – в другой. Данная оценочная, нормативная характеристика КД – степень его корректности либо некорректности – зависит не столько от субъективных мнений коммуникантов, сколько от объективного, социально-психологического по своей природе параметра речевой коммуникации. Этот параметр в теории СКВ обозначается термином «тип общения» и определяется характером и особенностями межличностных и социально-речевых отношений между субъектами коммуникации. Следует подчеркнуть, что тип общения представляет собой свод неформальных правил, регулирующих не только форму, но и некоторые аспекты содержания речевых коммуникативных действий. Например, просьбы, пожелания, советы, обещания, вполне уместные

в общении между студентами, могут оцениваться как абсолютно некорректные в разговоре между студентом и преподавателем.

Наконец, седьмой, практико-дискурсивный компонент смысла коммуникативного действия обусловлен не формой высказывания (вежливой, грубой или нейтральной), а исключительно его содержанием. Речь в данном случае идет о содержащейся в речевом произведении информации, значимой для решения той ли иной практической задачи. Как уже говорилось, в теории СКВ понятие «практика» имеет максимально широкое содержание, поэтому вполне обоснованным является утверждение, что практические аспекты общения присутствуют в любом коммуникативном акте. Практические интенции могут не вполне отчетливо осознаваться коммуникантами и иметь лишь косвенное отношение к дискурсивному аспекту общения. Например, подробное обсуждение какого-либо события (дискурс) может оказаться в практическом отношении всего лишь бытовым способом релаксации или формой проведения досуга. Тем не менее, практико-дискурсивный, как и шесть других, перечисленных выше компонентов смысла характеризуют системно организованную информацию, содержащуюся в любом речевом коммуникативном действии.

Практическая эффективность диалога не поддается универсальному определению, так как возможность достижения коммуникантами своих индивидуальных практических целей зависит от необозримого множества обстоятельств. К тому же, «выигрыш» одного участника коммуникативного акта часто (но далеко не всегда) означает «проигрыш» другого. Независимо от достижения или не достижения субъектами общения своих практических целей, диалог (по определению) является коммуникативно-эффективным, если каждому из его участников удастся выразить именно то, что он хотел сказать и добиться именно такого понимания своих речевых действий, какое он запланировал. В этой связи необходимо отметить одностороннюю негативную зависимость между коммуникативной эффективностью и практическим успехом, достигаемым посредством речевого общения. Коммуникативная

неудача неминуемо ведет к неудаче и в практическом плане – это касается, в первую очередь, работы профессиональных коммуникаторов, какими являются учителя, дипломаты, психологи-консультанты и.д.

«Коммуникативную неудачу (КН), - пишет Б.Ю.Городецкий, - можно определить как такой способ в общении, при котором определенные РП не выполняют своего предназначения. Иначе говоря, те или иные элементы РП как инструкции по преобразованию окружения не реализуются (в связи с их непониманием, игнорированием, ложным истолкованием и т.д.). Следует отличать собственно коммуникативную неудачу от фактов употребления неправильно построенных высказываний (такие высказывания не всегда приводят к КН) от коммуникативных трудностей и неудобств» [3, с. 23]. В контексте теоретической экспликации понятия «коммуникативная эффективность диалога» и непосредственно связанного с ним понятия «коммуникативная компетентность субъекта общения» в теории СКВ обращается внимание на три основных момента.

Во-первых, сбой в общении, который Б.Ю.Городецкий обозначил термином «коммуникативная неудача», нельзя рассматривать вне зависимости от конкретных обстоятельств. Затруднение, в некоторых случаях приводящее к разрушению коммуникативного акта (то есть к КН), в других ситуациях может преодолеваться, если в этом заинтересованы все участники речевого общения. Следовательно, понятие «коммуникативная неудача» имеет относительный характер, и в контексте теоретического анализа целесообразно использовать более общее понятие «коммуникативное затруднение».

Во-вторых, в связи со сказанным следует учитывать, что преодоление коммуникативных затруднений и предотвращение КН совместными усилиями участников диалога возможно именно потому, что, в отличие от практических интересов, коммуникативные цели субъектов общения, как правило, совпадают.

Наконец, в-третьих, необходимо подчеркнуть, что теоретический анализ ошибок и затруднений, возникающих в процессе общения, позволяет раскрыть сложную структуру понимания смысла РП – структуру, которая, как отмечает

Л.П.Якубинский, скрывается, маскируется автоматизмом речи и стереотипным, неререфлексируемым восприятием привычных высказываний в привычных ситуациях [5, с. 50-57]. В контексте такого анализа понимание рассматривается как процесс преодоления непонимания, возникающего вследствие коммуникативных ошибок, которые, в свою очередь, могут иметь различные основания. Это означает, что ошибки могут совершаться на различных иерархических уровнях смысла КД – системно организованной коммуникативно-значимой информации, восприятие и осознание которой партнером по общению определяют его диспозицию и выбор ответного коммуникативного действия.

Для иллюстрации описанного выше подхода целесообразно рассмотреть схему условного коммуникативного акта и серию конкретных коммуникативных ситуаций (КС), анализ которых позволяет установить причины затруднений в речевом общении и способы их возможного преодоления. Пусть в коммуникативном акте участвуют два субъекта: S1 и S2; S1 адресует субъекту S2 высказывание (А) «Я приду завтра»; S2 отвечает: «Извините, я вас не понял». Следующие семь КС показывают, в чем могут заключаться причины непонимания.

(КС-1). В этой ситуации субъект S2 просто не расслышал адресованные ему слова (или не сумел прочитать предложение (А), если оно было передано ему в письменной форме). Этот уровень непонимания соответствует «нижнему» синтаксическому уровню системной иерархии смысла КД. Вполне вероятно, что S2 сумеет преодолеть коммуникативное затруднение, если просто попросит S1 повторить сказанное или написать предложение более разборчиво.

(КС-2). Здесь субъект S2 – иностранец и не знает значений некоторых украинских слов, например, слова «завтра». Затруднение (способы его преодоления очевидны) возникает на семантическом уровне смысла КД. (Следует заметить, что если S2 хорошо владеет украинским языком, а S1 – наоборот, плохо, и если S1 адресует S2 грамматически неправильное высказывание, например, «Приходить я завтра», тогда S2 без труда сможет

исправить ошибку и понять смысл высказывания, по крайней мере, на двух первых системных уровнях – синтаксическом и семантическом.

(КС-3). Субъект S2 возвращается из командировки и находит у себя на рабочем столе записку с высказыванием (А). Непонимание возникает на прагматическом уровне смысла (А), и коммуникативное затруднение будет снято только в том случае, если S2 узнает, кто написал записку, куда он собирается (или собрался) прийти, и когда наступит (или уже наступило) это «завтра».

(КС-4). Субъект S2 получает записку с высказыванием (А) и знает ответы на все прагматические вопросы, то есть знает, кто, куда и когда намерен прийти. Но S2 не понимает иллокутивный смысл высказывания (А), то есть не может определить, является ли (А) просьбой о встрече, либо, наоборот, ответом на приглашение, о котором S2 успел забыть, либо своего рода извинением за то, что S1 не сумел прийти раньше, либо, наконец, какой-то скрытой угрозой.

(КС-5). В этой ситуации S1 говорит фразу (А) по телефону, и S2 не понимает фатический компонент смысла данного речевого действия, то есть не может представить себе, почему S1 обошелся без всяких предисловий и даже без традиционных приветствий. (В традиционных культурах такого рода коммуникативные ошибки оцениваются как грубые нарушения норм межличностного общения).

(КС-6). Студент S1 говорит фразу (А) преподавателю S2, который оставил ему двойку на экзамене. Если на следующий день не назначена пересдача, и если преподаватель сам не предложил студенту прийти завтра, то в таком случае S1 совершает коммуникативную ошибку на этологическом уровне смысла КД. Соответственно, преподаватель S2 не понимает и не принимает именно этот компонент смысла высказывания (А), и может указать студенту, что тот ведет себя некорректно.

(КС-7). В данной ситуации S1 говорит фразу (А) субъекту S2 (неважно, при личной встрече или по телефону), но S2 не понимает практико-дискурсивный смысл высказывания, так как забыл, о чем он договаривался с S1,

и что они собирались делать завтра.

(КС-7'). Эта дополнительная ситуация рассматривается только для сравнения с предыдущей ситуацией. В данном случае S2 помнит, для чего, с какой практической целью S1 собирается прийти, более того, S2 сам заинтересован в его приходе. Тогда для эффективной коммуникации, то есть для полного взаимопонимания между участниками диалога, субъекту S1 достаточно сказать короткую фразу (A') «Завтра». Следует отметить, что фраза (A') может оказаться непонятной во многих коммуникативных ситуациях. Однако, в КС-7' она является не отдельным словом, а эллиптическим (от греч. *elleipsis* – сокращение речи, пропуск слов, легко восстанавливаемых по контексту) высказыванием, обладающим практико-дискурсивным смыслом, который в данном случае функционально эквивалентен полному смыслу фразы (A) в ситуации КС-7.

Анализ рассмотренных фрагментов коммуникативных актов и типичных затруднений, возникающих в процессе речевой коммуникации, позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

В обыденном, повседневном общении человек не задумывается над тем, как ему удастся, во-первых, формировать и выражать свои мысли, и, во-вторых, понимать смысл сказанного партнером по диалогу. И то, и другое, как ему кажется, происходит автоматически и мгновенно, и поэтому не требует ни усилий, ни времени. И это действительно так, но только при условии, что субъекты общаются в хорошо знакомых им «стандартных» жизненных ситуациях. В таких ситуациях сознание человека работает как хорошо отлаженная быстродействующая компьютерная программа. (Здесь следует отметить то, что так называемая «компьютерная метафора» является основой научной методологии в современных *cognitive sciences*). Сложная структура этой программы становится заметной и доступной для теоретического анализа в случаях различного рода «сбоев» в ее работе. В этой связи, - пишет Н.Д.Арутюнова, - важным направлением научного поиска в когнитивной психологии и в психолингвистике является выявление причин и оснований

«коммуникативных осечек, неуместности речевых действий, их несовместимости» [6, с. 26]. В рассмотренных выше иллюстративных примерах представлена типология коммуникативных затруднений, отражающая информационную структуру полного смысла КД и функциональную структуру понимания этого смысла «слушающим», то есть субъектом, которому адресовано данное коммуникативное действие.

Таким образом, в теории СКВ понимание полного смысла КД моделируется в виде сложной системы когнитивных функций – системы, содержащей несколько функционально различных подсистем.

Итак, проведенный анализ показывает, что человек в процесс диалога понимает не только язык, на котором говорит его собеседник, и не только содержание высказывания, которое он слышит или читает. Он понимает смысл речевого коммуникативного действия, адресованного ему в условиях конкретной коммуникативной ситуации. Более того, осознание полного смысла КД открывает субъекту характер отношения к нему со стороны партнера по общению, позволяет субъекту оценивать ближайшие перспективы и планировать свои действия, направленные на достижение коммуникативных и практических целей.

Summary

The paper analyzes the functional structure of the social and communicative interaction by analyzing the typology of communication difficulties arising in the process of speech communication, considered the equivalent circuit of the communicative act and a series of specific communicative situations, analysis of which can determine the causes of difficulties in verbal communication and how they can be overcome. Explicated the concept of "total sense of verbal communicative action."

Keywords: theory of social and communicative interaction, voice work, communicative action, communicative act, cognitive actions, verbal behavior, communication failure, communicative difficulty, communicative situation.

Список литературы:

1. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М, Наука, 1968. – С.296.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с. ISBN 5-85270-031-2.
3. Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения //Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика: Пер. с

англ. /сост., ред. и вступ. ст. Б.Ю.Городецкого. – М.: Прогресс, 1989. – 432 с. ИБ № 16187.

4. Моррис Ч.У. Основания теории знаков //Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – 638 с. ИБ № 614.

5. Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1987.

6. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики //Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник: Пер. с разн. яз. /Сост и вступ. ст. Н.Д.Арутюновой и Е.В.Падучевой. Общ. ред. Е.В.Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – 500 с. ИБ № 13288.

УДК 378.22.015.311 : 159.9

С.П. Яланська

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГІЧНІ ЗАСОБИ РОЗВИТКУ ТВОРЧОЇ КОМПЕТЕНТНОСТІ МАЙБУТНІХ УЧИТЕЛІВ

Анотація

Система сучасної вітчизняної освіти обумовлює потребу в творчих, компетентних учителях, що здатні створювати освітнє середовище для інноваційного навчання та розвитку творчості учнів. Виникає необхідність розвитку в майбутнього вчителя творчої компетентності як важливої умови його успішної професійної діяльності. Проблема розвитку творчої особистості є ключовою в нормативних документах у галузі розвитку національної вищої освіти, зокрема, Національній доктрині розвитку освіти України у ХХІ столітті, та ін. Саме тому розкриття психологічного змісту, структури та засобів розвитку творчої компетентності майбутніх учителів стає вкрай актуальною проблемою педагогічної та вікової психології.

Ключові слова: творча компетентність, майбутній учитель, програма розвитку творчої компетентності.

Аннотация

Система современного отечественного образования обуславливает потребность в творческих, компетентных учителях, которые способны создавать образовательную среду для инновационной учебы и развития творчества учеников. Возникает необходимость развития у будущего учителя творческой компетентности как важного условия его успешной профессиональной деятельности. Проблема развития творческой личности является ключевой в нормативных документах в отрасли развития национального высшего образования, в частности, Национальной доктрине развития образования Украины в ХХІ веке, и др. Именно поэтому раскрытие психологического содержания, структуры и средств развития творческой компетентности будущих учителей становится крайне актуальной проблемой педагогической и возрастной психологии.

Ключевые слова: творческая компетентность, будущий учитель, программа развития творческой компетентности.